

Александра Дерюгина

Приморский дневник

Характер красоты

Я — иностранка. *Do you speak English? — Yes, I do.* С нижегородским акцентом. Но не в этом дело. Я — урождённая «девушка из Подмосковья» — чувствую себя упавшей с Луны, с Британских островов, из пустыни Сахара (откуда там еще?) абсолютной иностранкой на дальней окраине России. На очень дальней. Дальше для русских — ничего. Только Японское море, перенаселенный Китай или корейские товарищи... Но в Корею мы не поедem.

Русские с дальней окраины России очень любят Суньку и Чуньку. Это такие китайские города, которые на самом деле Суйфыньхе и Хуньчунь.

Куда ходит народ в Центральной России, чтобы приодеться? Кто побогаче — в бутик. А кто попроще — на рынок за турецкими шмотками. И это нам, центральным россиянам, знакомо и понятно. Люди с дальней восточной окраины с той же целью едут за границу, а именно — в Суньку. Там огромный рынок. Цены — смешные. Юань и рубль — лучшие друзья навеки в пользу рубля. «Пойдем, подлуга, посмотрим», — зазывают валяжные китаянки-продавщицы, прилипчиво и нагло вцепляясь в рукав потенциальной жертвы.

А куда мы, граждане Центральной России, ходим лечиться? Естественно, в поликлинику по месту жительства. Граждане с восточной окраины для того, чтобы поправить здоровье, опять же едут за границу, но на этот раз в Чуньку. Там нет назойливых продавцов и рыночной толкотни. Там тихо, прилично, вежливо и недорого. Полное обследование, иглоукальвание из первых, китайских, рук, массаж, все прелести восточной медицины почти даром — да здравствует выгодный союз рубля и юаня.

Если есть средства на санаторий подороже, можно поехать в Далянь. Там воздух чист, и тихий звон слышится под хрустальным небом — да-лянь!

Каждый, кто посетит столицу Приморья в теплый яркий день, скажет — курорт! Море, солнце, ветер, парус...

И будет прав — на три месяца в году.

Зимой здесь неуютно. Холодно — не то слово. Градусник за окном показывает минус двадцать. С усилием открываешь дверь подъезда, борясь с буйным шквалом внешнего мира, и вываливаешься в белый свет. Там вой и свист и минус сорок пять с учетом скорости ветра. Если ваш вес меньше шестидесяти килограммов, лучше прицепить на спину тяжелый рюкзак — чтобы не унесло.

На открытой стоянке дрогнут друзья человека — японские автомобили. Других здесь просто нет. «Сенсация! — передали однажды в сводке местной программы "Автопатруль". — Во Владивостоке! Столкнулись два отечественных автомобиля!»

Местные жители презирают отечественный автопром и никогда его не любят, потому что отечественный автопром опасен для жизни в здешних нелегких условиях. Он плохо ездит по обледенелым горам и быстро разваливается.

«Японцы», как правило, заводятся в любой мороз, если хозяин побеспокоился об аккумуляторе и свечах заранее. Но коварный российский бензин, главный козырь в защиту отечественного автопрома, может сбить с ног даже надежного японского коня.

О, горе, мое транспортное средство глухо молчит в ответ на страстный призыв зажигания! На три корпуса далее мучается ещё одна бедолага возле серой хонды. Ей помогает мини вэн, пытаюсь «прикурить» замёрзший аккумулятор — а вдруг получится? Не получается.

— Давай, мой аккумулятор поставим, — предлагает мини вэн хозяйке хонды.

— Давай, может, ему понравится.

— У вас что, «мальчик»? — вмешиваюсь я.

— Мальчик, — отзывается владелица авто и добавляет певуче-ласково, — Тимо-оша!

Я приглядываюсь к приземистой хондес добродушной простецкой физиономией — точно, мальчик!

— А у меня девочка, — как бы между прочим роняю я, — хоть и большая.

Видавший виды белый прадик упорно молчит на моё замечание.

То что это девочка, я поняла с первых дней знакомства. Сменив хозяина, машина вела себя, как обиженная женщина, — целый месяц отказывалась заводиться и тоскливо истерично выла. Замолчала только после того, как к ней нашли особый подход.

«Тимошу» завели наконец, и он обрадованно помчался за новым аккумулятором. Наша девочка поломалась ещё пару дней, выпросила новый «пятак» для стартера и тоже завелась.

В конце лета во Владике жарко. Все едут на Шамору или на Тавайзу, или на Чайку, или в Славянку, или в Ливадию, — короче, на море. Здесь не Крым, но есть своя Ливадия. Наверное, крымчане, приехавшие когда-то по зову сердца и за длинным рублём на Дальний Восток, увидели накат прозрачной волны на пляж в кайме зелёных гор и вздохнули блаженно — Лива-адия!

И все же это не Крым. И не Москва.

Когда в Москве лето, здесь, на побережье Японского моря, глубокая осень. Постоянно морозящая пасмурная плюс девять градусов тепла погода — стандартный Владивостокский июнь-июль. Таким образом, у местных детишек половина летних каникул приходится на осеннюю неприглядность. Попросили Москву однажды сдвинуть здешние каникулы, подарить школьникам тёплый сентябрь вместо холодного июня. Напрасно. Если в Москве лето в июне, значит, везде то же самое. Ведь страна кончается за пределами Садового кольца.

А еще здесь водятся тигры, или амбы, как их часто величают. Зимой они заходят в деревни, и тогда местным собакам полная «амба» — съедят. (Хищники помельче, дикие приморские коты, промышляют курами.) Тигры чувствуют себя хорошо. Их защищает Красная Книга. Поэтому любой амба может по-хозяйски выйти на трассу и остановить движение под восторженные возгласы задраивших люки водителей: «Смотри, кошка! Типа — полосатая!»

Суровый край. Но за женьшенем не обязательно ходить в аптеку. Можно сразу в тайгу.

К женьшеню в тайге в изобилии прилагается энцефалитный клещ. Опасное насекомое водится также и в городе.

— Помню, мальчик у нас был во дворе, — задумчиво рассказывает коллега по работе. — Клещ его укусил. На голове вот такая шишка раздулась, и через два, кажется, месяца помер мальчишечка в жутких судорогах.

Коллега непроизвольно дотрагивается до причёски и заключает категорически:
— Я в тайгу ни ногой!

Я тоже мысленно торжественно клянусь обходить стороной лесные насаждения. Но весной, при первом тепле, раньше, чем даже взойдет трава, лесные храмы покрываются ослепительными подснежниками и ярким золотом первоцветов. Вся земля, сколько видит глаз, белая и золотая. От сказочной красоты небесные колокола звенят в душе. И поневоле забираешься в чащу, куда можно проехать по разбитой дороге, и выходишь под зелёные своды, и спускаешься к чистым таежным речкам, в первобытную тишину, в первоздание мира, забыв о насекомой смерти, оседлавшей кусты и травы.

В Приморье всё так — экстремально, красиво и опасно.

Море летом прогревается в заливах до температуры Черноморского побережья. Ласковые воды и песчаные пляжи манят: «Приди, окунись, освежись!»

Но не только людей привлекает теплая водица. Сюда же приходит размножаться крошечная медузка — крестовик. Размером медузка с рублевую монетку, но вредности в ней на миллион. Если ошпарит, спасайся в больницу, под капельницу.

В августе по местному телевидению передают предупреждения: «Внимание! Опасность! Жертвы на всех пляжах. Больше всего на Тавайзе — там сорок три укушенных».

— Моего мужа однажды укусил крестовик, — рассказывает все та же коллега.

— И что? — спрашиваю я, затаив дыхание.

— Температура подскочила под сорок, и несколько раз сознание терял, пока до больницы доехали.

— Больше не купается?

— Еще как купается!

В августе все во Владивостоке еще как купаются. Вопреки предупреждениям, вопреки сорока трем укушенным на Тавайзе.

Дети вопят от боли. Взрослые теряют сознание. Но все упорно лезут в воду, потому как местные жары, аналогичные сочинским в разгар курортного сезона, иначе вынести невозможно.

Удивительные, прекрасные, грозные места.

Летом клещ и крестовик. Тропические ливни, в которых можно утонуть вместе с машиной в самом центре города.

Зимой лед. Снежные грозы в декабре-январе. С ослепительными вспышками молний, многократно усиленными ливневым снегом. Ледяные дожди.

«Владивосток закован в ледяной панцирь», — предупреждает все то же заботливое местное телевидение в начале зимы. — Аэропорт закрыт из-за обледенения полосы».

Ледяной панцирь останется в городе до весны, пока солнце не удалит его естественным образом. А пока надо учиться ходить по льду по пересеченной местности и не падать. Машины, увы, не скалолазы. Даже всеильные тойоты несет по ледяным спускам. «Сегодня в одной улице столкнулось четырнадцать автомобилей, а в другой — шестнадцать», — меланхолично сообщает «Автопатруль» в конце дня.

Меня это удивляет. Беспokoит. Тревожит. Потому что я — все еще иностранка в здешних местах.

Удивляет, как местные девочки, нежные, красивые и упертые, водят свои крошечные автомобильчики всю зиму по горам, по голому льду и снегу, пользуясь единственным преимуществом — 4 WD.

— Два раза на дороге крутило, пока доехала, — рассказывает будничным голосом обладательница розового праворульного «мини».

— А на горки как? — допытываюсь я. — Неужели въезжаешь?

— Въезжаю, — говорит она невозмутимо. — Только машину куда-то всё время несёт. То в одну сторону, то в другую.

Я все еще иностранка в здешних местах. Меня все еще пугает, когда машина разезжается колёсами «то в одну, то в другую сторону» как корова на льду, а то и вовсе теряет управление. Я всё ещё ужасно мёрзну при минус сорока пяти. В блаженном, оставшемся в прошлом Подмосковье зимой тепло и безветренно!

Я всё ещё не понимаю, как местные жительницы умудряются элегантно выглядеть в такую стужу и ставить ногу, обутую в шпильку, на ледяной панцирь городских высот и не падать при этом.

Может быть, когда-нибудь, не сейчас, и ко мне придёт дар эквилибристики. И меня не будут напрягать сообщения о сорока трёх укушенных на Тавайзе. И я не буду внутренне дрожать, спускаясь к таёжной речке, в ожидании полосатой морды «типа большой кошки» из дремучих кустов по берегам.

И тогда я удостоюсь звания «приморочки», и медленная, созерцательная подмосковная натура преобразится в крепкий дальневосточный характер и полетит, подобно местному махаону, пластаясь иссиня-чёрными крыльями над штормовой волной. Ведь даже бабочки здесь почти что буревестники.

Никогда не забуду

«Союз нерушимый республик свободных...»

Что за... Отрываю голову от подушки, смотрю на часы — полночь!

«Да здравствует созданный волей народов...» — гремит победным водопадом в сонной тишине.

Гимн доносится из квартиры над нами. Ах, да... опять транспортный прокурор снимает напряжение и теперь, когда жизнь уже радостна и легка, слушает любимое произведение. Должно быть, он встаёт из уважения и упорно держится, покачиваясь, под «могучий Советский Союз». Всё, упал, оборвался на торжественной ноте. Можно спать дальше.

Молчит наш дом на склоне сопки, молчат дома под нами, молчат и те, что выше, все три террасы от плоского дорожного кольца в долине и до небес. Светятся многие окна, несмотря на поздний час. Владивосток ступенчатый, Владивосток каменный, твои дети-совы долго бодрствуют в убежищах квартир, приходят в себя после утомительного дня. Владивосток у моря, каким будет твоё завтра? Твоё утро? Увидим ли солнце? Ждём, надеемся.

Будильник ненавязчиво зовёт к жизни, к подозрительно тусклому свету из-за штор. Отодвигаю краешек. Шас... солнца летом захотели. Так и есть, повтор вчерашнего. Туман — божье молоко, ничего не видно. Под нами детский сад. Ниже — дом-стена и дорога. Не вижу, но верю — они там.

Порывисто дышит ветер. Прислушиваюсь, определяю — пять метров в секунду. Это просто «ветер». Без эпитетов. А бывает ещё «тихий ветерок», «лёгкий ветер», «свежий ветер», «крепкий ветер», «умеренный», «умеренный до сильного», «сильный», «очень сильный», «ураганный» — в зависимости от тех самых метров в секунду. Штиль наблюдается всего пять-шесть дней в году. «Очень сильный» подарил мне однажды сотрясение мозга, сбил с ног на льду. Местный ветер любит раздавать такие «подарки». Каждый третий горожанин, наверное, хоть раз бился головой и видел небо с овчинку. Я раньше думала, что это просто смешное, неосновательное выражение. Какая-то овчинка? Но грянулась затылком, и бледное снеговое небо стало вдруг маленьким, размером с овечью шкурку. Народная мудрость, как всегда, права.

Выхожу на улицу. У подъезда лежит мёртвый тушканчик. Крупный, с длинными сильными задними ногами. Как он сюда попал? Чайка на столбе крикливо объясняет историю преступления. Простите, не понимаю. Чайка обиженно уходит в небо, точнее, в морось. Вчера морось, позавчера, сегодня и завтра, может быть, тоже.

Это облака. Они ложатся на город и плачут. Люди живут в небесных слезах, выгуливают собак, играют в бадминтон, ходят на работу. Дети катаются на велосипедах, ибо каникулы, июнь в разгаре. Иногда мне кажется, что местное население рождается с жабрами. Оно свободно дышит водой.

На стадионе, что террасой выше, морось обильнее, ветер сильнее. Полуголая девушка в бриджах и майке-борцовке бегаёт, как робот спортивных достижений, с монотонным размахом рук и ног. Как ей не холодно? Я в куртке и длинных штанах, пытаюсь повиснуть на турнике. Мужчина в шортах и футболке (хотя бы плечи прикрыты) кричит «здравствуйте!», пролетая мимо. Уже хватил свою дозу эндорфинов. Я его не знаю. Первый раз вижу. Девушка идёт на десятый круг. Бегать так — всё равно что плавать в холодных водах Японского моря. Как пить дать заболеет. «Воспаление лёгких, воспаление суставов, воспаление миндалин...» Пол-Владивостока лечится у лор-врача. Вторая половина стоит в очереди. Моя куртка промокла, пора уходить.

Тушканчик от подъезда исчез. Под навесом кормятся бродячие коты, торопливо глотают тёплую лапшу с кусочками красной рыбы. Удивительно, что не с икрой. Иногда я вижу комки спрессованных рыбьих яиц на тротуаре. Чайка вернулась, косит глазом-топазом на рыбу, урвать бы кусочек. Не-ет, коты всё подберут и начнут играть в тигров. Улетай, птичка!

Мне сегодня надо в город. Всем надо в город. Июнь — все в городе. Море холодное. Пляжи мокрые. Немногие хитрецы отбыли в отпуск «на запад», потому что в этой загадочной части света в июне тепло и солнечно, не то что здесь. «Запад» — обширное понятие. Включает всё, что за Уральским хребтом вплоть до Ла-Манша. Наша бухгалтер Ольга укатила к сестре «на запад», то есть в Нижний Новгород. Моя подруга Ирочка улетела в санаторий «на запад», то есть в Санкт-Петербург. Компьютерный мастер Николай решил побаловать семью отдыхом «на западе», в Испании.

А здесь, на воистину Дальнем Востоке, город у моря стоит в июньской, тяжёлой, тотальной пробке, потому что все решили поехать по делам или просто так, не сидеть же дома с утра до вечера.

Во Владивостоке в среднем приходится по два автомобиля на семью. То есть у кого-то один, у кого-то три.

Мой инструктор по вождению рассказывает о семье знакомого коммерсанта: «Сам на джипе, жена на джипе, ребенок на велосипеде — как на джипе». Джипы — особая песня. Август. Впервые прибываем в столицу Приморья. Нас встречают. Погружаемся в джип. Мчимся по трассе (аэропорт в пятидесяти километрах от города). Жадно смотрю по сторонам — где же море? Но вижу только резво бегущие автомобили, половина из них — джипы. Спрашиваем: «Почему здесь так много джипов?» — «Поживёте — поймёте».

Кажется, это было сто лет назад: удивление драйвом (все несутся-несутся-несутся), зелёными глыбами сопки до горизонта, влажным воздухом, свистом ветра. Мы давно поняли, почему местные предпочитают большие машины. Всё просто — на внедорожниках намного легче передвигаться в местном климате и рельефе.

Выруливаю со стоянки, еду в центр. Солнце показало жгучий лик, ударило снопами лучей, и город стал глянцевою картинкой из путеводителя по курортам. Жарко и влажно, как в парилке. Погоде здесь надо всего десять минут, чтобы резко перемениться. Выходишь в куртке, возвращаешься в майке, и наоборот. Стягиваю свитер. Что бы ещё такое удалить?

Из местного фольклора:

— Девушка, девушка, как же вы умудрились на джипе перевернуться?

— Я колготки передевала.

На мосту Дружбы (строили японцы) пробка. В соседнем ряду девушка красится.

Закончила с ресницами. Кладёт помаду. Тронулись. Лениво ловит руль, болтает по телефону.

Подъезжаю к Первой речке. Большой плакат прямо в глаза: «На газоны не вставать!» А куда вставать? Всегда здесь можно было, а теперь нельзя. Покидаю лужайку, ползу вдоль улицы. Дорожное полотно по обе стороны оковано блестящим металлом кузовов, хоть бы где прогал в неумолимой цепи, хоть бы одно звено выпало! Парковки в любом большом городе проблема, но Владивосток — даже не миллионник, а приткнуться негде. Нет места, нет! Дома оседлали сопки. Дороги проложены в узких долинах-падях, прихотливо огибают возвышенности. Ездить можно, парковаться нельзя. О! Паджерик колёса выворачивает. Есть! Сейчас встану, сейчас займу! Не тяни резину, парень, отчаливай, выбрось свой телефон в окно! И что вы гудите в спину? Не видите? Мне Бог место послал!

Посещаю местный департамент, чтобы оформить кое-какие бумаги. В отделе только женщины. Работают слаженно, решают проблему быстро.

— Спасибо! — искренне благодарю, прежде чем уйти.

— Всегда рады помочь, — отвечает старшая. У неё чёрная чёлка и выступающие скулы. Заметна примесь таёжной крови. Тёмные глаза, будто лесное озеро без дна.

— Вы только в полнолуние не приходите, — доверительно шепчут неяркие губы.

— Почему?

Интрига, тайна — часть жизни в городе у моря. Кто-то ведь бросил мёртвого тушканчика у подъезда? Зачем? Кто-то роняет красную икру на асфальт. И креветок тоже. Чайки вчера тучей носились над крышей соседней школы. Отчего? А небо за нашим домом недавно изобразило точную копию Амурского залива. Откуда здесь миражи?

— В полнолуние мы немного не в себе, — продолжает шептать старшая, тёмные глаза смотрят серьёзно, чуть печально.

— Хорошо, буду сверяться с календарём, — обещаю на прощание.

Следующий пункт — телефонная компания. Прежний оккупант служебной квартиры, кореец, оставил два стационарных телефона. Это тоже загадка. Зачем столько? Нам достаточно одного. Прошу аннулировать договор с оператором из Находки.

Офисная девушка звонит в Находку, в головную компанию.

Прикрывает трубку ладонью:

— Они говорят, кореец сам должен прийти и расторгнуть договор.

— Он не придёт. Он в Америке. Здесь больше не появится.

Девушка объясняет ситуацию головной компании. Долго слушает. Находка настаивает на личном заявлении от прежнего владельца.

— Вы с ума сошли? — искренне изумляется наша сторона. — Владелец в А-ме-ри-ке!

Находка упорно предпочитает безумие.

Девушка бросает трубку. Сходимся на прекращении оплаты и отключении аппарата. И пусть тогда Находка предъявляет иск дальнему гражданину Соединённых Штатов.

Теперь шоппинг. Полчасика в пробке на проспекте Столетия города — сушая ерунда. Справа, на скалистом обрыве сопки — грязно-розовые облака, цветёт сакура. Интересно, почему в Японии она такая чистенькая, а здесь такая мутная? От выхлопов, наверное.

Продуктовая база называется «Мусоросжигательный завод». Раньше тут ядовитые трубы дымили, а теперь еду продают. Китайский дешёвый кролик. Мёрзлые ножи звенят, будто стеклянные. Филе спаяно в твёрдые бруски. Недавно новость прошла по интернету. Предприимчивые китайцы гонят сюда лису вместо кролика. мех на

пуховики, мясо во Владивосток, на рынок. Таможня их поймала. Вчера поймала, а сегодня? Складываю кролика-лису в багажник.

Оп-паньки — машина упрямится. Зажигание булькает. Так всегда, когда жарко. Набираю номер «своего» механика. У него очередь на неделю вперёд. Автосервисы во Владике в каждой подворотне, но механики от Бога — нарасхват.

Машина после звонка быстренько заводится. «Что, испугалась? То-то. Всё равно поеду в сервис. Ты, блондинка, меня достала». Авто мурлыкает двигателем, шелестит шинами, изящно входит в повороты. «Не-ет, дорогая, в сервис».

Стопориюсь на выезде с базы. Здесь надо пересекать интенсивное двухстороннее движение. В спину гудят. Иду на таран. Подставляю бок несущимся со светофора. Успеваю увернуться. Машина творит чудеса.

Автомобили в городе у моря — больше, чем кусок металла. Они живые. Спасают от ливней, ветра, мороза, покрывают немалые концы. Они помощники. Доставят ваши мешки, котомки, ящики с припасами прямо к подъезду. А без них, четырёхколёсных, попробуйте донести сумки с продуктами с рынка со дна пади на свою сопку, ступенек триста вверх, к облакам. Машины — благодетельницы. Отвезут всю семью на море, обеспечат купальный сезон. Они же будут штурмовать пересечённую местность, когда хозяева соберутся «в край». «В край» — это не «на запад», это в реальный Приморский край, с крутыми перевалами, хлипкими мостами, бурливыми бродами, глухими дорогами. Ближайший крупный город, Хабаровск, — в семистах километрах. Прежде, чем отправиться в путь, разумный автовладелец придёт в сервис и скажет: «Еду в край». Мастер кивнёт головой. Это значит, машине устроят доскональную проверку на прочность. В крае медведь тебе механик, рысь да тигр. Ну ещё кабарга, маленький такой олень. И леопард из Красной Книги.

Наши знакомые отправились как-то в Терней. Звали с собой. Чужое место, заповедник в сердце Сихотэ-Алиня. Всего шестьсот пятьдесят километров вдаль. Грибы, ягоды, бонусный медведь в малиннике, река с ледяной, блистающей на солнце водой, рыбалка. Мы благоразумно отказались. Машине девять лет, не до приключений. Они поехали. Они же местные, это другая порода людей. В общем, совсем близко, километрах в ста всего от Тернея, их Скарлет оставила шины на бетоне. В прямом смысле. Резина, кусок за куском, прилипла к дорожному покрытию и отваливалась, пока не закончилась совсем. По счастью, километрах в двадцати от места трагедии они смогли купить другие покрышки. Они же местные. Мы бы не смогли. Мы бы просто не нашли в Сихоте-Алине спасительный уголок с резиной.

А знакомые наши с тех пор в Терней только на вертолёте. Правда, вертолёт не так надёжно. Они иногда падают. Молиться надо много.

В городе, конечно, спокойнее, но тянет местных вдаль, за перевалы, на дикие берега, в нехоженные места. Хотя и в городе адреналина хватает.

Подъезжаю к Рудневскому мосту, дощечке, положенной на вертикально стоящие спички. Так кажется, потому что мост узкий, двухполосный и головокружильный. Высота опор — тридцать метров, это двенадцатизэтажный дом примерно. Внизу — проезжая часть с коробочками автомобилей. А раньше там Первая речка текла. Речку куда-то завернули, русло высохло. Сверху бросили мост, связали две отдалённые части города. Веселись, Владивосток. Правда, долго-долго, двадцать лет, не решались запустить здесь движение. А в девяносто третьем перекрестились и открыли. А в две тысячи одиннадцатом опять задумались. Запретили проезд тяжеловозам, поставили ограничительную рамку, но упёртые фуры по-прежнему рвутся, куда уже нельзя, и рамку сбивают.

Подъезжаю. Думаю: авось, пронесёт. И каждый, должно быть, думает: «Авось...» Я бы лично здесь плакат повесила с обеих сторон: «Путник, жизнь твоя дрожит на Рудневском мосту, как слеза на реснице». Опоры-спички — полые внутри, бетон в них то ли забыли залить, то ли украли, когда строили в далёком семьдесят втором году.

К тому же стоят эти «спички» на подвижном грунте бывшего речного потока. От этого мост колеблется, плиты расходятся. Дырки латают. Трещины на опорах контролируют. И конструкция действует, живёт, доказывает: Советский Союз непобедим, ибо даже брак советский, на поверку, весьма надёжный, качественный брак.

Мост позади, пронесло! Ещё километров десять — и красивая арка в конце пути, и охранник на входе спрашивает, зачем пожаловала. Блею про зажигание. Поднимает шлагбаум.

Автосервис «Бег» — хитромудрое заведение. Здесь умеют извлечь приличную прибыль даже из незначительной работы. Но я платить не собираюсь, а за консультацию денег не возьмут, мы давно знакомы.

Мастер, маленький, белёсый, крутит зажигание, слушает нежный булькающий звук, чешет в затылке, зовёт подмогу. Чешут уже вдвоём. Объявляют:

— У вас инжекторная рейка шалит.

Аллилуйя, теперь я знаю, что такое инжекторная рейка. Вот она, узенькая, длинная.

— И что? Эту штуку я менять не буду.

«Беговцы» знают, что не буду, и дают дельный сногсшибательный совет.

— Вы на неё тряпку мокрую кладите, чтобы остыла. Тогда заработает. У нас уже были такие случаи.

Машина отдохнула в прохладе бокса, заводится без мокрых тряпок, торопится унести колёса от чудо-специалистов.

К слову сказать, тряпкой я так никогда и не пользовалась. «Мой» механик полностью снял обвинения с инжекторной рейки и привёл в порядок зажигание.

Солнце скрылось. Холодный ветер порывами с Охотского моря. Здравствуй, морось, давно тебя не было. Натягиваю свитер. Что бы ещё надеть? Хорошо, что я почти дома. Почти — не значит, что буду там через три минуты. Пять часов вечера. Все, кто был в городе, возвращаются в спальные районы. Стою в пробке, радуюсь — это последний затор на сегодня. Заветный поворот, разбег-взлёт на родную террасу и — опять затор! Два японских коня впереди без признаков жизни. Собирается очередь. «Террано» бодается с «Кашкаем». Стоят и смотрят друг на друга, как коты перед боем, вот-вот ударят по усам. «Террано» в своём праве, он, точнее, она (за рулём женщина) следовала указателю. А мордатый водитель «Кашкай» нарушает. Да и не может иначе. С другой стороны дома дырки латают, проезда нет. Теперь кто-то должен уступить. Сворачивать некуда. Справа здание, слева обрыв. «Кашкай» набычился. Женщина в «Террано» обхватила руками голову, будто хрупкий сосуд, в котором звенит, переливается боль, поперёк лица отчаяние. У неё, наверное, был трудный день, сто километров в пять концов, десять пробок, а теперь ещё это. И в спину гудит нетерпеливая очередь. «Кашкай» сдаётся. Пятится.

Вечером долго не могу заснуть. Газоны, парковки, дороги, пробки. В спину гудят. Лезет в глаза инжекторная рейка. Под Рудневским мостом далеко внизу ниточка шоссе. Если падать, костей не соберёшь. А завтра всё сначала и всё то же. Долго не спят граждане города у моря, приходят в себя. Далеко за полночь желтеют сквозь туман окна.

Наверное, есть места, где можно вставать с солнцем. Ступать босиком в тёплую пыль, гулять в поле и в лесу, дышать цветами и травами, а не бензапиреном, слушать тишину, жить среди деревьев, а не среди машин. Никуда не спешить. Ни от кого не уворачиваться. Никому не мешать. Просто жить. Владивосток, ты меня достал!

Но это пройдёт. Завтра закончится морось или послезавтра, или через две недели, короче, когда-нибудь! Июль будет тёплым, и, если не июль, то август, точно, согреет наши скалы. И море отдаст все свои туманы. Встанут в чистом небе высокие купола облаков. Мы поедем на Шамору. Простор ослепит солнцем. Если не будет солнца, природа сотворит другое чудо. В пасмурный день вода отразит серое небо, покроется

перламутром, горизонт растает. Ляжем в мерцающей вечности, заснём в мягком движении волн, как в колыбели. Бог не пожалел соли для Японского моря. Местные, действительно, спят (или грезят) на воде. Не на матрасах надувных, а на покачивающемся, «жидком», так сказать, ложе.

А если начнёт штормить, будем скакать, как пробки, и визжать от восторга, буравя кипящий пеной вал.

Потом придёт осень. Бухты всё ещё будут дышать теплом. Вспыхнет тайга вокруг таким ярким багрецом, таким слепящим золотом, какого не встретишь ни на юге, ни в средней полосе России. Солнце всё своё сердце отдаст листьям, и деревья запыхают неистово перед суровой зимой.

Люди уйдут с пляжей. Море очистится. В лучистой прозрачной воде загорятся морские звёзды. Побегут по кромке прибоя кулички. Сядут на скалах бакланы.

Покинув море, помчимся в город по серпантину, высоко, среди облаков. Первый перевал очень крут, пытит тяжеловоз, еле тянет, собрал позади себя легковушки, будто стайку чаек. Приуныли «японки», ползут. Водители тоскливо клянут препону. Тяжеловоз выдохся, съехал на обочину. Вырвались, полетели машины-чайки, перемахнули перевал, и будто сорвались в простор, в синеву, в драгоценный блеск бухт. «Где ты ещё такое видела?» — спросит сердце. «И больше не увидишь, — добавит печально. — Поэтому смотри, смотри во все глаза, запоминай. Лети, пари, ликуй, пока есть время. Пока это всё — твоё, ибо отнимется».

«Эти места, как любовь, — сказал один простой мудрый человек. — Увидишь раз — не забудешь никогда».

Это правда. Не бывает любви без страдания, не бывает любви без блаженства. Город-кошмар, город-адреналин, город-тоска, город-солнце, город-простор, светлые задворки земли. Владивосток, каменный цветок на изумруде сопки, в синей оправе моря, моя вторая родина. Каким ты проснёшься завтра? Будет ли солнце? Жду, надеюсь. Никогда не забуду.

Удивления достойны

Всю ночь бушевал осенний тайфун. Началось, как всегда, в ноябре: на небе открыли шлюзы, хлынул потоп, и город, как Атлантида, пошёл ко дну в тёплых водах. Ветер налегал со стороны тропической Окинавы. А потом принесло морозную свежесть с Охотского моря. Вода на дорогах замерзла. Выпал снег, укрыл белым пухом чёрный лёд.

Утром я не решилась сесть за руль. У машины пока ещё не выросли когти, чтобы цепляться за отполированную дорогу. Отправилась на службу пешком, всё вниз-вниз, отвергнув сверкающий слалом тропинки, цепляясь за камни и ветки. Потом — по лестницам. Здесь проще. Падаешь на поручень и скатываешься, как с горки, пролёт за пролётом, до проезжей части внизу. Главное, не потерять металлическую опору под рукой. Ура! Ровное место! Парк Минного городка. Три озера в ряд, прямые аллеи. Прежде под каждым озером был склад с минами. Кое-кто шепчет, что боеприпасы и посейчас там.

Подгребаю к месту работы. Вижу маленький праворульный витц. В России машина такой марки не водится. Обитает только на Дальнем Востоке — японская мини с полным приводом. Малютка приткнулась у входа, черпает капотом наметённый за ночь сугроб. Это приехала наша сотрудница. Водительского опыта у неё тоже «мини», но прискользила по первопутку.

— А вы пешком?

Наша ассистент, Серафима Дмитриевна, отважная леди шестидесяти восьми лет, прискользила на автобусе. Такой тип передвижения тоже требует мужества

и терпения. В ночь после осеннего тайфуна транспорт плохо ловит поверхность, едет вкривь и вкось по кромкам обрывов, а в иных местах задумчиво встаёт поперёк дороги, мечтая о коньках вместо резины. С обеих сторон задумчиво выстраивается автомобильная пробка. Нет, всё-таки на своих двоих через сопку — самое надёжное.

«Вы пешком?» — звучит как приговор.

«Ты, имеющая руль, побоялась дороги! И кто ты после этого? Как тебя называть?» — слышится мне, хотя Серафима Дмитриевна, конечно, не говорит этого вслух.

— А Ирочка на машине приехала. Приморочка! — роняет она, перебирая бумаги на столе.

И всё. Больше ни звука.

Ладно. Я потом реабилитируюсь. Научусь цепляться колёсами за лёд, трогаться на скользком подъёме, отважно скатываться вниз с очередной сопки и не чувствовать себя при этом червяком в неуправляемой консервной банке.

И, может быть, орлица Серафима Дмитриевна и меня одарит тогда почётным званием: «Приморочка!»

Местные гордятся своими женщинами. Недавно на вокзале я видела электричку. На зелёном боку крупными белыми буквами сияло: «Уссурочка».

Я не была в Уссурийске, но знаю, что там очень-очень красиво. Мамочка, ездившая на побывку к сыну в тамошнюю колонию, восторженно живописала заснеженную тайгу вдоль трассы. Ещё одна жительница Владивостока со слезами на глазах вспоминала, как когда-то, в детстве, пасла на окраине Уссурийска коз, в осеннем пламени долин, в пожаре сопки. После её рассказов кажется мне, что в чудогородке повсюду лебедями плавают, высоко держа голову, удивительные уссурочки, иначе с чего бы называть электричку ласковым дивным словом? Кстати, бывшая пастушка тоже красавица. Глаза — тёмный бархат. Блеск улыбки, мягкий голос очаровывают, затягивают. Так, должно быть, попался в сети японец в далёкой Ниигате. Многие приморочки ходят в синий океанский простор: буфетчицами, уборщицами, работницами по разделке рыбы. Суда во время лова повреждаются штормами и встают на ремонт в доках ближних портов. Так случилось, что судно с экс-пастушкой ошвартовалось в Ниигате на целых три месяца. Красота бывшей уссурочки сразила местного жителя, и он долго умолял молодую женщину стать хозяйкой маленького домика и госпожой сердца. Но за тысячу морских миль, во Владивостоке, ждал маленький сын. Приморочка почему-то не захотела подарить ему желтолицего папу вкуче с чужеземным гражданством. Три месяца каждый день японец приходил на причал и тосковал, созерцая ржавый сейнер, ловя каждое движение на палубе.

Ремонт закончился. Судно выбрало трап, качнулось на свободной волне. Японец забился в слезах. И долго, долго плакал, пока чёрная точка корабля не растаяла в блеске волн, в сиянии неба. Интересно, нашёл он потом равноценную замену обаятельной приморочке-уссурочке? Или сохранил до сытой почтенной старости образ первой любви? В памяти, в сердце?

Приморочки — удивительные создания. Это особая порода женщин, населяющая Дальний Восток от плодородной Золотой Долины до беспокойной ветреной кромки океана.

Они красивы. Нигде в остальной России я не видела столько красивых женщин, собранных в одном месте. «Цветы» Приморья вращены причудливым смещением кровей. Здесь, на перекрёстках дорог и времён, сошлись древние айны, пра-обитатели этих мест, и таёжные племена, и морские офицеры-дворяне, и ссыльные поляки, и политзаключённые царской России, а также бесчисленные корейцы, китайцы, моряки, торговцы из Америки, мигранты из Украины и волна высшего сословия, искавшая на побережье последний приют и защиту от власти советов.

Приморочки сильны. Им приходится бороться с ветрами и холодом, прыгать по

обрывам, карабкаться по лестницам. Однажды я посчитала — к нашему дому со дна пади ведёт двести семьдесят пять ступенек. Много это или мало? Поймёшь, когда одолеешь. И это не самая большая дистанция. Выше нас ещё одна терраса с ещё одним жилым массивом. Прибавляем к двумстам семидесяти пяти ещё сто пятьдесят, и вы у цели, о благородные, ловящие рукой облака.

Моя подруга — коренная приморочка. Она, само собой, красива, но не только. Она умна, талантлива и благородна в каждом жесте, слове, движении души. Семейное предание гласит о родстве с легендарным адмиралом Макаровым, погибшим при обороне Порт-Артура. И поэтому каждая девочка, поколение за поколением, слышит от старших: «Пойдёшь замуж, не меняй фамилию. Она дорогого стоит». И сколько здесь ещё таких полукровок — «принцев» и «принцесс» по воле случая? Никто не считал.

Приморочка и вульгарность — несовместимы. Они любезны, говорят мягко. Никогда не слышала, чтобы кричали. Одеваются с большим вкусом даже для обычного выхода в город за покупками. В магазинах фурнитуры, где продают кружева, стразы, пряжки, тесьму, всегда очереди. Однажды я видела удивительное превращение. Женщина достала из сумки и развернула на прилавке однотонное серое платье, скучное, как пасмурный день. Потом она выбрала белое кружево и приложила к изделию. Мышастое платье немедленно превратилось в изысканный туалет.

Приморочка всегда выглядит на миллион. Она может надеть простую белую рубашку и обычные брюки, но это будет сидеть на ней так, что вы свернёте голову вслед красотке. Может быть, именно по этой причине известный сатирик, ныне покойный, посетив Владивосток, заявил, что все здешние девушки одеваются, как проститутки. Вот беда — что бы ни надела приморочка, невозможно ей скрыть природную красоту. Любая ткань будет облегать, играть, подчёркивать гармонию и совершенство форм. Может быть, глаз знаменитого сатирика устал от яркости и блеска в туалетах местных дам? Но там, где море сверкает, где искрится синева, где кипит белоснежная пена, там прозрачная радуга стразов сама прыгает на платья, куртки, рюкзаки. И добавляет света в мрачные дни тайфунов, когда облака входят в город, густым туманом ложатся на улицы, вползают в дома. Тайфуны превращают день в ночь, и горожане живут при электричестве с раннего утра до полудня и с полудня до вечера. Нет, не зря украшают себя приморочки. В туманном, бессолнечном лете они — блистающие девы, победительницы мрака. В городе почти нет места паркам и скверам. Деревья малорослые со скупыми кронами. Улицы — глубокие ущелья, дом громоздится на дом. Камень на камень. Приморочки в радуге стразов, в ярких тканях — живые цветы в утомительно-серой юдоли.

— О, слышите? — поднимает палец Серафима Дмитриевна.

— Что?

За стеной офиса, в Центре для пожилых поют: «За окном бушует ветер, хлещет снегом ледяным...»

Там занятие хора. Мне странно, что пожилые приморочки собрались на спевку по такой погоде. Им всем от семидесяти до восьмидесяти двух. Как они вообще дошли?

Ветер атакует здание, бросает в окна злой колючий снег. Вторая серия тайфуна. Сильно потемнело. Включаем свет.

— Да, в тему поют, — говорю я.

— Нет, не то, — Серафима Дмитриевна прибавляет громкости коробочке местного радио.

«В связи с ухудшением погодных условий... укороченный рабочий день...»

Хористки высыпают на белое крыльцо, по двое, по трое растворяются в белом, косо несущемся вихре. Только Татьяна Александровна задержалась. Она любит поболтать и сейчас беззаботно чирикает на отвлечённые темы, не обращая внимания на холод. Одета она плоховато, в тонкую куртку, хлипкие ботиночки. На голове

шерстяной линиялый платок, тоже подозрительно тонкий. Приморочке восемьдесят лет.

— Татьяна Александровна, как же вы пойдёте? — не выдерживаю я.

— А что? — удивляется старушка.

— Холодно, ветер, скользко. Давайте я вас провожу до остановки.

— Давайте.

Просовывает худую лапку мне под руку, бодро переставляет ноги в неубедительных ботиночках и чирикает, чирикает про то, как живёт одна в темноватой крошечной квартирке, как видит время от времени призраков, как куда-то пропадают вещи... «Чёрт их, что ли, берёт? Как вы думаете, нечистая сила существует?»

Подозреваю, что долгожительница согласилась на помощь исключительно из желания отвести душу разговором с терпеливым слушателем.

Одолеваем лабиринт переулков. Пришли. Площадь Луговая. Она забита транспортом. Снежный шквал не даёт дышать. Автомобили стоят в шесть рядов в огромной пробке.

«Пассажиры, чего вы ждёте на Луговой?» — приходит голос с мутного неба.

Вздрагиваю и оглядываюсь. Понимаю, что слышу диспетчера, но разве можно так разговаривать с несчастными, чья единственная надежда добраться до дома — рейсовый автобус?

«Идите пешком, движения нет», — падает сверху, как приговор в судный день. Спасения нет! Всем в ад!

Кому-то пять, а кому-то и десять километров до родного подъезда сквозь ураган.

Татьяна Александровна беспечно крутит головой в линиялом платке, шепечет что-то про маленькую пенсию.

— Как же вы доберётесь? — кричу я в ужасе и представляю, как старушка выдохнется, не дойдя до дома, упадёт, замёрзнет, как одинокая птичка.

— Дать вам денег на такси?

— Что вы! — всплескивает сухонькими ручками. — На трамвае доеду!

Слава Богу, трамваи ходят. В звоне, в лязге подкатывает вагон. Бабуля бодро прыгает на подножку, исчезает за обмёрзшим стеклом.

Я задумчиво смотрю на заметённые рельсы, перевариваю первый урок. Приморочка восьмидесяти лет плюёт на бешеный ветер, который её запросто в Китай может унести. Китай отсюда в ста километрах всего. Она выходит из дома, плохо одетая, худенькая, маломощная. И плюёт на тайфун! А я-то что же? Я почти вдвое моложе. И Серафима Дмитриевна, пожилая орлица, «скользит» сейчас к себе на Вторую речку в холодном автобусе. Туда дорога ровная, без перепадов, маршрут работает. А Ирочка «скользит» на своей «мини» в пробке. Долго, зато отважно. А я-то что же?

Возвращаюсь через сопку. Всё вверх, вверх. Ветер сбивает с ног, падаю. На коленке огромная дыра. Прощайте, красивые тёплые штаны, купленные перед отъездом в благословенном южном городе Азов специально для здешнего климата.

Не-е-ет, хватит с меня. На машине, в следующий раз только на машине! В ней тепло, уютно, надёжно.

Декабрь в начале. Ещё один тайфун, зимой его называют циклоном. Так вот — циклон. С вечера дождь, к утру на дороге первоклассный каток. Сажу в «Хрустальных облаках». Это парикмахерская на самом вершуре офисного здания. Название вполне в китайском духе. Сквозь стеклянный колпак видно свинцовое небо. Только цапли не хватает, чтобы уж совсем как в Поднебесной. Мастер, брюнетка с прозрачной белой кожей, глаза — сияющие звёзды, рассказывает, как катилась на пятой точке сверху, со своей Седанки в пригороде Владивостока до трассы, и как долго ехал автобус, думала — опоздает. Молниями сверкают ножницы. Шумит фен. Меня мучают нехорошие предчувствия. Надо двигаться на службу. Автобусом долго. Пешком?

Орлица Серафима Дмитриевна опять «согреет» жалостью. Понимаю, мол, куда вам сквозь наши бураны. Кишка тонка!

Решено. Еду на машине.

Брунгильда мягко берёт с места. Имя своё она получила за солидный экстерьер, белый цвет и отвагу. Очень похожа на блондинку-богатыршу из скандинавской саги. Она-то не боится дороги, это я нервничаю. Ладно, по Аллилуева не поеду, там сплошные горки, бывалые застревают, не мне чета. Доберусь в объезд, через весь город, там ровненько. Мягко урчит двигатель. Дорога — лед, присыпанный сухим снежком, самое то — кататься. Машин вокруг подозрительно мало. Таксисты и я. Еду медленно. Все едут медленно, на почтительном расстоянии друг от друга. Впереди женщина переходит дорогу. Плавно придавливаю тормоз. Брунька не реагирует, катится. Чёрт! Придавливаю ещё. Ноль результата. Переход всё ближе. Женщина идёт осторожно, ей тоже скользко.

Надо отпустить тормоз, надо! Иначе колеса заклинит, и я задавлю приморочку. Прямо на зебре.

Вспоминаю о прерывистом торможении. Инструктор летом рассказывал. А сейчас зима. Одно дело — теория. Совсем другое — остановиться на практике. Прямо сейчас. На льду.

Сжав зубы и почти закрыв глаза от страха, убираю ногу с тормоза, потом опять прижимаю педаль и отпускаю, и прижимаю. Работает! Машина замирает. Спасены.

Через сорок минут с трясущимися руками и на слабых ногах выбираюсь на пушистое белое полотно возле нашего здания. Ползу в офис. Серафима Дмитриевна на посту. Сканирует окно.

— А вы на машине? Приморочка!

Дождалась! Заслужила!

Серафима Дмитриевна задумчиво листает журнал.

— А Ирочка пешком пришла!

И правда, не видела я Ирочкин витц у подъезда. Урок номер два: даже настоящие приморочки не всегда выводят на лёд своих приземистых устойчивых малюток. Шестое чувство говорит им, когда можно, а когда нельзя этого делать. А мне ещё обратно ехать. Буду катиться вниз по Аллилуева, цепляться колёсами за снежную кромку и тормозить двигателем. В теории знаю, что это такое.

Перехожу к практике.